

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима

Охотник за тенью

Маэстро теней

Подсказчик

Девушка в лабиринте

Игра Подсказчика

Девушка в тумане

Женщина с бумажными цветами

Донатто
КАРРИЗИ

ИГРА
ПОДСКАЗЧИКА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
К 26

Donato Carrisi
IL GIOCO DEL SUGGERITORE
Copyright © Donato Carrisi 2018
All rights reserved

Перевод с итальянского Анастасии Миролюбовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-17157-2

© А. Ю. Миролюбова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Антонио,
моему сыну, продолжающему меня*

Луиджи Бернабо, моему другу

Звонок в полицию был зарегистрирован 23 февраля в 19:47. Женщина звонила с сотового и взволнованным тоном просила выслать патрульную машину к ферме, расположенной на отшибе, километрах в пятнадцать от города.

В тот момент над всем регионом бушевала неистовая буря.

На вопрос оператора о причине звонка женщина ответила, что какой-то мужчина вторгся на их участок. Стоит перед домом, под дождем, в темноте. Муж вышел, чтобы убедить его уйти по-хорошему, но пришелец ничего знать не хочет.

Стоит и молча смотрит на дом.

Женщина не смогла описать незнакомца: с того места, где она находилась, учитывая сплошную пелену дождя, она едва могла разглядеть его при вспышках молний. Сообщила только, что он приехал на старом зеленом фургоне, и сказала напоследок, что обе дочки напуганы.

Оператор записал адрес и заверил, что непременно кого-нибудь отправит посмотреть, в чем дело, но

предупредил женщину, что из-за неблагоприятных погодных условий поступило очень много вызовов по поводу дорожно-транспортных происшествий и подтоплений. Поэтому придется запастись терпением.

Первая патрульная машина освободилась только в пять утра — через девять часов после звонка. Полицейские довольно долго добирались до фермы еще и потому, что ночью река вышла из берегов и дорогу в нескольких местах размыло.

Перед патрульными, прибывшими на место, когда уже начинало светать, предстала вполне мирная сцена.

Типичный дом в колониальном стиле, деревянный, выкрашенный белой краской, рядом погреб для хранения яблок. Гигантский сикомор отбрасывал тень на площадку перед домом. Игрушечная лошадка возле веранды, два розовых велосипедика у сарая с инструментами. На ярко-красном почтовом ящике надпись: СЕМЬЯ АНДЕРСОН.

Ничто не предвещало беды. Разве только тишина, нарушаемая лишь непрерывным лаем дворняжки, которая металась перед будкой на длинной привязи.

Полицейские громко позвали обитателей дома, но ответа не получили. Поскольку в доме, по-видимому, никого не было, они решили, что съездили понапрасну. Только из чувства долга, перед тем как развернуться и уехать, один из них поднялся на крыльцо, чтобы постучать в дверь. И обнаружил, что она не заперта. Заглянув внутрь, заметил страшный беспорядок.

Запросив по радиации разрешения, полицейские вошли в дом, проверить, что там происходит.

Они увидели опрокинутые столы и стулья, разброшенную домашнюю утварь, плотный ковер из осколков стекла на полу. Но на верхнем этаже все было еще хуже.

Повсюду кровь.

Красная, уже засохшая, она пропитала подушки и простыни в спальне. Брызги попали на вещи из обывденной жизни — на домашние тапочки, на щетку, на кукол в детской. Виднелись длинные полосы на полу, отпечатки рук на стенах: знаки отчаянных попыток к бегству. Зрелище резни. Но полицейских больше озаботило то, чего они не нашли.

Отсутствовали тела.

От четырех членов семьи, отца, матери и восьмилетних девочек-двойняшек, живших в этом доме, остались только фотографии, вставленные в рамки или прикрепленные к стенам. С этих снимков улыбающиеся Андерсоны, вероятно, взирали на собственное убийство.

К восьми утра ту отдаленную сельскую местность наводнили полицейские.

Пока поисковые команды с собаками, натасканными на обнаружение трупов, исследовали окрестности, не пропуская ни малейшей рытвины или пригорка в надежде найти останки, эксперты-криминалисты изучали хаос внутри дома, пытаясь воссоздать произошедшее.

Одновременно была предпринята полномасштабная охота на человека.

Внимание сконцентрировалось на незнакомце, о котором вкратце рассказала по телефону госпожа Андерсон. О нем только и было известно, что это мужчина. Ни описания, хотя бы самого общего, ни какой-то приметы, которая пригодилась бы для опознания.

Единственная информация, бывшая в распоряжении полиции, — старый зеленый фургон, о котором упомянула женщина. Но и этот след вряд ли мог куда-нибудь привести, поскольку ни номера, ни марки машины женщина не назвала.

Еще до полудня скудная информация о том, что произошло и еще могло произойти, просочилась в СМИ. Этого оказалось достаточно, чтобы возбудить любопытство публики.

К вечеру Карл, Фрида и малышки Эуджениа и Карла из обыкновенной, ничем не примечательной семьи превратились в героев хроники, державшей в напряжении миллионы людей по всей стране.

Тайна исчезнувшего семейства.

Интерес к истории подогрел тот факт, что Андерсоны переехали в деревню, отказавшись от достижений технического прогресса. У них не было ни электричества, ни Интернета, ни даже телефона. Единственное исключение — сотовый для чрезвычайных ситуаций, с которого и впрямь был совершен только один звонок, с просьбой о помощи.

Несколько зловещих подробностей дела, вкупе с уверенностью в том, что монстр до сих пор разгуливает на свободе, оказалось достаточно, чтобы среди людей распространился страх, слепой и нерассуж-

дающий. Людями овладела тревога, каждый боялся, что случившееся может повториться. Общество требовало быстрого завершения расследования, то есть, само собой, задержания виновного.

Но у полиции не было ничего, кроме простых очевидных фактов. Несмотря на задействованные силы, единственный вывод, к которому пришло следствие, заключался в том, что убийца использовал зеленый фургон, чтобы вывезти трупы — бог знает куда и зачем.

Слишком мало, чтобы надеяться на скорое завершение дела.

Следователи полагали, что преступник, вторгшийся в дом Андерсонов, скорее всего, избавился от машины, но все-таки предпринимали попытки найти подозрительный автомобиль на записях с дорожных видеорекамер, сделанных в определенном интервале до и после звонка госпожи Андерсон. Они рассчитывали на то, что такую устаревшую модель легко заметить. Была также выделена специальная линия, по которой принимались сообщения о старом семейном фургоне зеленого цвета. Как можно было легко вообразить, от горожан поступило множество звонков, большей частью ни на чем не основанных.

Кроме одного.

Ближе к вечеру некто неизвестный указал на присутствие зеленой машины «фольксваген-пассат» в районе старой скотобойни: она стояла в помещении пустующего склада. Когда полицейские с командой кинологов отправились проверить этот автомобиль, они увидели через окна обильно залитые кровью сиденья.

Открыли вместительный багажник, готовые к ужасной находке, но там, как и в доме, не было и следа трупов.

Когда полицейские начали огораживать новое место преступления, чтобы там могли спокойно работать эксперты-криминалисты, собаки вдруг принялись истошно лаять.

Они кого-то унюхали на скотобойне.

Меньше чем за полчаса весь квартал оцепили. Чуть позже прибыло спецподразделение. Началась полномасштабная операция с участием десятков человек, экипированных по последнему слову техники. Они разделились на группы, прочесывая каждое помещение, каждое возможное укрытие. Топот ног, обутых в тяжелые ботинки, лай собак и крики спецназа гулким эхом отдавались в этих заброшенных местах. Наконец один из агентов сообщил по рации, что «на четвертом этаже кто-то есть». И все бросились к указанному месту.

В темной комнате, среди остовов старых компьютеров и других электронных устройств, пришедших в негодность, стоял человек.

Стоял неподвижно, лицом к стене из черных мониторов. На нем не было одежды. Он поднял руки, сдаваясь, и медленно повернулся к полицейским, которые целились в него из автоматов и слепили мощными фонарями.

Кроме необычного убежища, где этот человек скрывался, полицейских поразили еще два момента. Его возраст нельзя было определить. И все его тело было покрыто татуировками, включая лицо и гладкий череп.

Числа.

Человек не оказал сопротивления, позволил надеть на себя наручники, не сказав ни слова. Рядом с ним валялся маленький серп, испачканный кровью. Вероятно, орудие резни.

Задержание основного подозреваемого произошло всего лишь через двое суток после звонка госпожи Андерсон с просьбой о помощи. Хотя вначале следователи пребывали в замешательстве, дело было раскрыто неожиданно быстро — пусть даже с помощью анонимного звонка.

Начальник полиции публично поблагодарил безымянного гражданина, оказавшего содействие правосудию, и перед лесом микрофонов объявил о том, что очередная битва со злом завершилась победой. Ужасная смерть Андерсонов для всех осталась в прошлом, хотя трупы так и не были найдены. Ведь с арестом человека, покрытого татуировками, порядок и спокойствие были восстановлены — и обыватели могли вздохнуть с облегчением.

Следствие завершилось, и, как водится, настало время сочувствовать жертвам, возносить молитвы за них, где бы они ни находились.

Никто и вообразить не мог, что самое страшное еще предстоит.

Энигма

1

Письмо пришло в свой срок, как всегда, в феврале.

Всякий раз его содержание было практически одним и тем же. Ее ставили в известность, что клиническая картина не изменилась и что в данный момент невозможно строить какие-либо прогнозы на будущее. Послание, кто бы его ни составлял, всегда заканчивалось одной и той же фразой:

«Общее состояние пациента по-прежнему представляется необратимым».

Этой фразой ненавязчиво предлагалось принять решение: продлить еще на год процедуры по искусственному дыханию и искусственному кормлению или раз и навсегда положить конец этой растительной жизни.

Мила сунула письмо в ящик стола и взглянула в окно кухни, на открывавшуюся панораму. Заходящее солнце отбрасывало на воды озера странный сероватый отблеск, и Алиса на лужайке среди деревьев, близ пристани, гонялась за опавшими листьями, уносимыми ветром. Зима была в разгаре, и с лип, обступивших дом, листва давно облетела. Откуда толь-

ко взялись эти сухие листья — разве что из густого леса, обрамлявшего чистое зеркало зеленоватых вод.

На Алисе был теплый свитер, длинный шарф развевался по ветру вместе с рыжими волосами. Ее дыхание паром застывало в воздухе, но девочка казалась счастливой. Мила тем временем наслаждалась домашним теплом. Она готовила на ужин тушеные овощи, а в духовке поспевал яблочный пирог, от которого вся кухня пропахла сахаром и корицей. В последние месяцы она открыла в себе способности, о которых раньше не подозревала. В прежние времена Мила считала, что еда — всего лишь способ снабжать организм энергией, теперь она даже обрела способность извлекать из продуктов вкус. Алиса наверняка дивилась этому не меньше Милы, ведь прежде она практически не показывалась на кухне.

За последний год многое изменилось. Речь шла не просто о новых привычках: началась новая жизнь.

Во время своего последнего расследования Мила подвергалась серьезной опасности.

Мысль о том, что она может погибнуть на службе, до сих пор не слишком ее тревожила. Каждый полицейский осознанно идет на такой риск. Но, приблизившись к последней черте, она по-другому взглянула на проблему. Перед ней внезапно возник совершенно банальный вопрос, которым, однако, она до сих пор никогда не задавалась.

Если она умрет, что будет с Алисой? Девочке и так нелегко расти без отца.

Отсюда явилось и созрело решение уйти в отставку. Теперь, казалось, прошла целая вечность с тех пор,

как Мила Васкес полностью посвящала себя своему призванию: поиску людей, пропавших без вести.

Она никогда не считала себя обычным сотрудником полиции. Она, собственно, никогда не была и обычным человеком, иначе не выбрала бы для себя такое занятие — охотиться за теньями.

К семнадцати годам Мила поняла, что она — другая: в отличие от всех своих знакомых она никогда ни к кому не испытывала сочувствия. Многие годы она стыдилась этого, это мешало ей завязывать отношения, выставляло в невыгодном свете. Когда наконец, лет в двадцать пять, она набралась смелости и поговорила с психиатром, тот дал определение ее расстройства: *алекситимия*. Что-то вроде эмоциональной безграмотности. Мила не была способна испытывать к окружающим какие-то чувства и не была в состоянии распознавать и описывать собственные ощущения. В конечном итоге никаких чувств у нее как будто и не было.

Люди называют это «душевым холодом».

Со временем она поняла, откуда взялся такой темный дар. Мила осознала, что она представляет собой портал, тайную дверцу в другое измерение, сотканное из сумерек и зла. Этот проход, единожды отворенный, уже невозможно закрыть.

Я пришла из тьмы. И во тьму время от времени должна возвращаться.

В полицейской работе такая ее особенность очень помогала, позволяя рассматривать каждое дело трезво и отстраненно. В частности, чрезвычайно полезной она оказывалась при поисках пропавших без ве-

сти детей и подростков: в таких случаях повышенный градус эмоциональной вовлеченности только мешал, препятствуя объективному восприятию: коллеги часто поддавались искушению бросить все, только бы не сталкиваться с ужасной реальностью, которая ожидала их в конце расследования.

Мила все это знала: искать пропавшего ребенка — все равно что следовать за черной радугой. И в конце тебя встретит не кубышка с золотом, а безмолвный монстр, до отвала напившийся невинной крови.

Алекситимия была для нее проклятием, но также и броней. Но за это нужно было платить.

Неспособность к сочувствию опасно сближала ее с монстрами, которые, не зная жалости, питаются страданиями жертв. Чтобы отличить себя от них, Мила часто втайне прибегала к лезвию бритвы. Резала себя, чтобы хоть так почувствовать чужую боль. По сути, шрамы, испещрявшие ее тело, свидетельствовали о попытках отождествить себя с пропавшими без вести, которых она искала, испытать к ним сочувствие, вступить в контакт. Телесная боль заменяла душевную, избавляла от чувства вины, которое неизменно сопутствовало безразличию.

Тем самым Миле не было дано стать матерью, ни хорошей, ни плохой. Она просто не располагала такими способностями. Она заботилась об Алисе так, как ухаживала бы за цветком в горшке. И все-таки занималась дочерью, как могла — в пределах, доступных для нее, разумеется.

Но теперь все это осталось в прошлом.

Примерно год назад Мила решила, что пришел момент растопить лед в сердце, превозмочь душев-

ный застой. Она сняла этот домик на озере и бежала от мира вместе с Алисой.

Это далось нелегко. Им пришлось привыкать друг к дружке. Но мало-помалу обе обнаружили, что они вовсе не чужие люди. Хотя Мила часто боролась с искушением запереться в ванной наверху, развернуть одно из лезвий, спрятанных в шкафчике за зеркалом, и полоснуть в очередной раз по покрытому шрамами телу. Чтобы вместе с кровью вышел на поверхность душевный трепет, позволявший ей еще причислять себя к человеческому роду. Ибо иногда она в этом сомневалась.

Сегодня, в конце февраля, студеной вечерней порою, Мила смотрела, как дочка одна резвится на лужайке, и невольно задавалась вопросом, что именно Алиса унаследовала от нее. Девочке исполнилось десять лет. Еще немного — и гормональные бури перевернут все ее существование. Невинные забавы будут отвергнуты без сожаления, осознанно и немилосердно. И она, как все, мгновенно забудет, что это значит: быть ребенком. Хотя, как это прекрасно известно взрослым, будет всю оставшуюся жизнь тосковать по детству.

Но мать девочки волновало совсем другое.

Мила боялась, что вместе с отрочеством дочку настигнет душевный холод, как это случилось с ней самой. Ученые пока не располагали доказательствами, что алекситимия передается по наследству, но практика показывала, что это вполне вероятно. Правда, могло оказаться, что Алиса пошла в отца, но этого Мила тоже не могла принять.

Только не в него. Не в него, твердила она, вспоминая письмо из больницы.

Мила никогда не произносила его имени. Даже вспоминать это имя было зазорно. Алиса и та не называла имени отца.

Словно привлеченная взглядом матери, девочка обернулась. Мила через окно замахала ей рукой, призывая вернуться в дом.

— На дереве — дупло с бельчатами, — сообщила продрогшая Алиса, едва переступив порог.

Мила набросила ей на плечи плед: погода стояла сырая, промозглая. Другая мать согрела бы дочку в своих объятиях. Но у Алисы не было другой матери, только она.

— Никаких следов Финци? — спросила Мила.

Алиса пожала плечами.

То, что девочка так равнодушно восприняла недавнее исчезновение кошечки, беспокоило Милу. Может быть, это признак алекситимии?

— Что у нас на ужин? — спросила Алиса, чтобы сменить тему.

— Тушеные овощи и яблочный пирог.

Алиса взглянула на нее с интересом:

— Если я поем овощей, можно будет взять кусок пирога в берлогу?

Берлогой называлась палатка из одеял, которую Алиса соорудила себе на верхней площадке лестницы. Она проводила там много времени, читала с фонариком, слушала музыку на старом айпоне — в последнее время девочка пристрастилась к Элвису Пресли.

— Там поглядим, — отвечала Мила — она предпочитала неукоснительно соблюдать правила домаш-

него распорядка, и ее трудно было сбить с намеченного курса.

— Как ты думаешь, он приедет в эти выходные?

Вопрос поставил Милу в тупик. Раньше девочка редко спрашивала о *нем*, но за последний месяц это случилось уже в третий раз. Непонятно почему, Алиса вбила себе в голову, что отец приедет их навеситить. Мила объясняла ей, что это невозможно, что ее отец уже много лет в коме и уже никогда не очнется. По крайней мере, в этой жизни. Разве что, может быть, в аду. Но Алиса упорно воображала, что он рано или поздно объявится и они смогут проводить время вместе, как настоящая семья.

— Это невозможно, — повторила Мила в который раз, видя, как исчезает из глаз дочери веселый блеск.

Плотнее закутавшись в плед, Алиса уселась в старое кресло перед разожженным камином. Она никогда не упрямилась.

Миле было известно такое, чего она предпочла бы не знать; такое, о чем лучше не ведать никому. Не-что невыразимое о человеческих существах. О том зле, какое люди творят со своими ближними. И Алиса не должна догадаться, что к садистам относится также ее отец; она еще до этого не доросла.

Мила, бывший агент полиции, давно решила, что расскажет дочери о преступлении, с которым было связано ее появление на свет, как можно позже: пусть пока остается в неведении, подальше от мира с его жестокостью.

Мила должна ее защитить.

Портал, выходящий в измерение тьмы, она закрыть не могла, но зато сожгла все мосты, соединявшие ее с прошлым. Хотя пистолет всегда лежал в ящике прикроватной тумбочки, Миле уже не нужно было отправляться на охоту.

Она была убеждена, что если сама больше не пойдет во тьму, то и тьма не придет за ней.

Но именно в тот момент, когда эта мысль оформилась в слова, взгляд уловил едва заметное изменение в пейзаже за окном. Солнце почти село, но его слабый луч отразился от ветрового стекла неизвестного темного лимузина, мчащегося по дороге вдоль озера.

Мила ощутила знакомое покалывание в ложбинке у шеи. И предчувствие того, что неожиданный визит принесет одни неприятности.

Лимузин с тонированными стеклами остановился на площадке перед домом, рядом с «хендаем» Милы. Мотор продолжал работать.

Из высокого окна Мила наблюдала за сценой: несколько секунд ничего не происходило. Потом задняя дверца открылась, и из автомобиля вышла Джоанна Шаттон.

Сделала знак водителю, который ее сопровождал, чтобы тот оставался в машине. Поправила длинные светлые локоны, струившиеся по плечам поверх пальто из верблюжьей шерсти. И по лужайке направилась к двери, чуть пошатываясь, поскольку шпильки застревали во влажной земле.

Если сама Судья взяла на себя труд лично явиться сюда, дело серьезное, подумала Мила Васкес.

У Джоанны Шаттон была при себе небольшая папка.

Аромат духов донесся с порывом ветра, облаком вплыл в дом, стоило Миле открыть дверь. На какой-то миг ей стало неловко принимать такую гостью в комбинезоне и махровых носках.

Шаттон смерила ее уничтожающим взглядом и выдавила из себя улыбку.

— Не собиралась просто так нагрязнеть к тебе, — заявила она вместо оправдания. — Я бы предупредила, что собираюсь приехать, но мы не нашли твоего нового номера телефона.

— У нас телефона нет.

Судья посмотрела на нее так, будто услышала непристойную брань, но от комментариев воздержалась.

Мила же продолжала стоять в дверях. Хотела сразу обозначить границу между прежней жизнью и жизнью нынешней, дать понять, что не так-то легко переступить черту.

Несколько секунд Шаттон выдерживала ее ожесточившийся взгляд. Начальница Управления федеральной полиции была женщиной твердой и никому не позволяла перечить себе. Но была также и достаточно умной, чтобы понимать, когда следует пойти на компромисс. Ее называли «Судьей» еще и поэтому.

— Я проделала долгий путь, Васкес. Может, хоть чаем меня угостишь, прежде чем выпроводить?

Мила пристально взглянула на нее. Решила, что выслушает все, что Шаттон собирается сказать, но дала торжественную клятву, что не даст себя завлечь

в очередное дело и после чаепития отправит гостью туда, откуда она явилась.

Потом погасила газ под тушившимися овощами и, поскольку ужин пришлось отложить, накрыла кастрюлю крышкой. Вынула яблочный пирог из духовки и поставила остывать на подоконник. Затем отправила Алису наверх.

— Почему мне нельзя остаться? — возмутилась та. У них никогда не бывало гостей, и неожиданный приезд незнакомки был чем-то новым, заманчивым.

— Потому что ты должна принять горячую ванну, — распорядилась мать. — Тебе завтра в школу.

— Можно, я перед ванной в берлоге немного послушаю Элвиса?

— Ладно, — разрешила она, ведь главное — устроить так, чтобы Алиса не слышала того, с чем приехала Шаттон.

Разрешив эти мелкие проблемы, Мила вернулась к Судье с чашкой горячего чая. Та, отпив глоток, тут же поставила чашку на столик перед диваном. Таинственную папку, все еще закрытую, положила рядом.

— Красиво тут у тебя, — заметила она, оглядываясь вокруг.

В камине потрескивал огонь, озаряя простую деревянную обстановку волшебным янтарным светом.

— Мой отец увлекался рыбалкой, у него был домик на озере, и нам с сестрой в детстве приходилось проводить в лесной глуши нескончаемые выходные.

Мила просто не могла себе представить Шаттон в брюках и туристских ботинках. Может, она и подчеркивала так свою женственность потому, что ее отец всегда хотел сына, мальчика.

— Мы на рыбалку не ходим, мы с дочерью вегетарианки.

Этот выпад Судья оставила без ответа. Мила молча смотрела на нее, спрашивая себя, долго ли Шаттон будет тянуть время, прежде чем перейти к делу, ради которого приехала.

— Знаешь, меня просто ошеломило твое решение все бросить, — продолжала Судья как ни в чем не бывало. — Я думала, что такие полицейские, как ты, не в состоянии оставаться в стороне.

— Вам в Управлении меня не хватает? — спросила Мила с вызовом: теперь она могла даже и дерзость себе позволить.

— Многим не понравился твой уход.

— Только не вам.

— Именно, — призналась Шаттон, нисколько не чинясь.

Даже не смотрит на папку, отметила Мила. Продолжает ходить вокруг да около, потому что не может себе позволить уехать ни с чем. Любопытно, как она будет действовать.

— Не вижу у тебя телевизора, — сказала Судья, оглядывая кухню.

Мила затрясла головой: мол, в самом деле, его нет.

— Нет даже подключения к Интернету? — изумилась Шаттон.

— У нас есть книги. И радиоприемник.

— Тогда ты слышала новости за последние два дня.

Прежде чем Мила успела что-то сказать, Шаттон назвала имя.

Карризи Д.

К 26 Игра Подсказчика : роман / Донато Карризи ; пер. с ит. А. Миролубовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-17157-2

«Игра Подсказчика» — новый бестселлер Донато Карризи, короля итальянского триллера.

Поздно вечером в полиции раздался звонок. Перепуганная женщина сообщила, что перед их домом стоит странный незнакомец, и попросила о помощи. Полицейский патруль, добравшийся на ферму лишь спустя несколько часов, обнаружил, что пол и стены залиты кровью. Обитателей дома постигла печальная участь, но где тела жертв и кто убийца?..

Есть только один человек, способный раскрыть таинственное преступление, это Мила Васкес, но она больше не служит в полиции. Стремясь обрести покой, она поселилась с дочкой Алисой в домике на берегу озера. И все же ей приходится ввязаться в жестокую игру, которую ведет Подсказчик, загадочный персонаж, превращающий людей в марионеток, исполняющих его волю. Она уже сталкивалась с ним, расследуя дело об исчезнувших девочках. Мила Васкес принимает вызов. Слишком многое поставлено на карту, в том числе жизнь ее дочери...

Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

ДОНАТО КАРРИЗИ
ИГРА ПОДСКАЗЧИКА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.03.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 12 000 экз. Усл. печ. л. 26. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-RBD-25657-01-R